

ПОЛОВИНА МЕНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АГАТА ВЕРН

18+

Агата Верн

Половина меня

«Автор»

2026

Верн А.

Половина меня / А. Верн — «Автор», 2026

Анастасия давно не верит в счастье. Дочь адвоката, которого весь город считает убийцей, она прячется от прошлого в музее, возвращая к жизни разрушенные картины. Пока в её мастерской не появляется старинный портрет — женщина на холсте выглядит в точности как она. А вместе с портретом приходит он. Алексей Савельев — загадочный коллекционер с печальными глазами. Он понимает Анастасию без слов, даёт ей то, о чём она боялась мечтать. Она влюбляется впервые в жизни. Она не знает, что каждое его слово — ложь. Алексей пришёл не спасти её. Он пришёл её уничтожить. Десять лет он готовил месть её семье. Он вычислил Анастасию, вошёл в её жизнь, заставил полюбить себя. Осталось только бросить её. Но он тоже полюбил. Теперь оба — заложники лжи, которая вот-вот рухнет. А в старых архивах пылится правда, которая перевернёт всё. Правда о том, за кого Алексей мстил. Правда о том, что его жизнь — величайшая ложь из всех. Когда Анастасия её найдёт, будет уже поздно. Но для кого?

© Верн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина, которой не должно быть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Агата Верн

Половина меня

Глава 1. Женщина, которой не должно быть

Дождь бил в окна музея с такой яростью, будто хотел пробить стекло и добраться до картин. Анастасия стояла у мольберта, склонившись над полотном восемнадцатого века, и пыталась вернуть к жизни лицо женщины, которая умерла триста лет назад.

Кисть в её руке двигалась медленно, почти невесомо. Она наносила слой за слоем, смешивая пигменты с лаком, и постепенно тусклое, почти стёртое временем лицо на портрете начинало дышать. Глаза. Вот что всегда было самым трудным. Глаза — это не просто радужка и зрачок. Это то, что смотрит на тебя сквозь века. То, что помнит.

Анастасия любила свою работу. Не потому, что она была престижной — реставратор в городском музее получает копейки. И не потому, что она была спокойной — спокойной она не была никогда. Она любила её за возможность прикасаться к чужой боли. К чужим историям. К чужим жизням, которые давно закончились, но всё ещё жили в краске.

Это было проще, чем жить свою.

— Настя, ты опять до ночи?

В дверях мастерской стояла Кира — её единственная подруга и по совместительству заместитель директора музея. Высокая, рыжая, с вечно растрёпанными волосами и привычкой говорить быстрее, чем думать.

— Ещё час, — не оборачиваясь, ответила Анастасия. — Нужно закончить лессировку. Если оставлю на ночь, слой ляжет неравномерно.

— Ты говоришь это каждую ночь.

— И каждую ночь это правда.

Кира вздохнула, подошла ближе, заглянула через плечо. На портрете — женщина в тёмном платье, с высоким воротником и печальными глазами. Типичный восемнадцатый век. Типичная грусть.

— Красивая, — сказала Кира. — Кто это?

— Неизвестно. Портрет без подписи. Поступил из частной коллекции. Заказчик просил восстановить максимально бережно.

— Частная коллекция? У нас? — Кира подняла бровь. — Кто заказчик?

— Какой-то Савельев. Алексей Савельев. Говорят, известный коллекционер.

Кира хмыкнула:

— Савельев? Не слышала. Ну ладно. Ты домой-то собираешься? Мать звонила. Три раза. Рука Анастасии на секунду замерла. Всего на секунду. Потом кисть снова двинулась.

— Что она хотела?

— Не сказала. Просто просила перезвонить.

— Значит, опять деньги.

Кира молчала. Она знала всё. Знала про мать, про запой, про клиники, про то, как Анастасия продаёт свои собственные картины — те, что пишет по ночам для себя, — чтобы оплатить очередной курс капельниц. Знала про отца. Про то, как десять лет назад весь город показывал на Анастасию пальцем: «Дочь того самого Воронцова. Того, который подставил невинного. Того, который повесился».

— Настя, — тихо сказала Кира. — Ты не обязана.

— Обязана, — отрезала Анастасия. — Она моя мать.

— Она тебя уничтожает.

— Она уже уничтожена. Я просто пытаюсь не дать ей утонуть.

Кира хотела что-то сказать, но передумала. Она знала этот взгляд. Взгляд человека, который давно принял решение и не собирается его менять. Она просто положила руку на плечо Анастасии — на секунду, тепло, по-настоящему — и вышла.

Анастасия осталась одна. Дождь усилился. Свет лампы дрожал, отбрасывая тени на стены. Она снова посмотрела на портрет.

Женщина смотрела на неё.

И в этом взгляде было что-то такое, от чего у Анастасии по спине пробежал холодок. Она не верила в мистику. Не верила в призраков, в проклятия, в знаки. Она верила в пигменты, в лак, в химию. Но иногда, очень редко, ей казалось, что картины смотрят на неё. По-настоящему. Что они знают что-то, чего не знает она.

Она тряхнула головой и вернулась к работе.

Через час она закончила. Убрала кисти, закрыла баночки с растворителем, накрыла мольберт тканью. Выключила свет. Вышла в коридор, где пахло пылью и старым деревом. Музей ночью был другим. Тихим. Живым. Казалось, что стены дышат, а картины перешёптываются.

Она вышла на улицу. Дождь всё ещё шёл. Она подняла воротник пальто, закурила — привычка, от которой не могла избавиться, хотя знала, что это медленное самоубийство. Телефон завибрировал. Мать. Она сбросила. Потом ещё раз. Потом ещё.

На четвёртый раз ответила.

— Настя? — голос матери был хриплым, плывущим. — Настя, ты почему не берёшь?

— Работала.

— Работала, — повторила мать с горечью. — Всё работаешь. Всё чинишь свои картинки. А меня не чинишь.

— Мам, я не могу приехать сегодня. Завтра. Я обещаю.

— Ты всегда обещаешь. Ты вся в отца. Он тоже обещал. Обещал, что всё будет хорошо. Обещал, что он невиновен. И что? Повесился. Оставил нас. Оставил меня с тобой. С тобой, которая...

Она замолчала. Но Анастасия знала, что она хотела сказать. «С тобой, которая нашла его. С тобой, которая не спасла».

— Мам, я перезвоню.

— Не перезвонишь. Ты никогда не перезваниваешь.

Гудки. Анастасия стояла под дождём, смотрела на телефон и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Как всегда. Она давно перестала плакать. Слезы закончились где-то на третьем году. Осталась только тяжесть. Постоянная, ноющая тяжесть в груди, которая никогда не проходила.

Она докурила. Выбросила окурок. Пошла домой.

Дома было тихо. Слишком тихо. Квартира — маленькая, двухкомнатная, забитая картинами. Её собственными. Те, что она писала для себя. Тёмные, тревожные пейзажи. Море перед бурей. Лес в тумане. Одинокая фигура на пустой дороге. Она никогда не показывала их никому. Даже Кире. Даже матери.

Она налила себе вина — красного, дешёвого, из тетрапака. Села на диван. Включила телевизор, но не смотрела. Думала о портрете. О женщине с печальными глазами. О том, как она смотрела.

«Ты тоже одна, — подумала Анастасия. — Ты тоже что-то потеряла. Я вижу это по твоим глазам».

Она допила вино. Легла спать. И всю ночь ей снился дождь.

Утром её разбудил телефон. Не мать. Кира.

— Настя, вставай. У нас гости.

— Что? — Анастасия села, протирая глаза. — Какие гости?

— Тот самый Савельев. Владелец портрета. Пришёл лично. Хочет посмотреть на реставрацию.

Анастасия посмотрела на часы. Восемь утра. Она проспала.

— Через час буду.

— Он уже здесь. Ждёт в твоей мастерской. С чашкой кофе. И с таким видом, будто купил весь музей.

Анастасия выругалась. Встала. Быстро оделась — джинсы, свитер, волосы в хвост. Без макияжа. Ей было плевать. Она не собиралась производить впечатление на какого-то коллекционера.

Она вошла в музей через служебный вход. Поднялась на второй этаж. Открыла дверь мастерской.

Он стоял у окна. Спина к ней. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто. В руке — чашка кофе. Он смотрел на дождь, который всё ещё не закончился.

— Вы рано, — сказала она.

Он обернулся.

И Анастасия замерла.

Не потому, что он был красив.

Хотя он был.

Не потому, что от него исходила какая-то сила.

Хотя исходила.

А потому, что в его глазах было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание. Что-то знакомое. Что-то, что она видела раньше. В зеркале.

Печаль. Глубокая, застарелая, как у женщины на портрете.

— Простите, — сказал он. Голос низкий, спокойный. — Я не хотел вас будить. Просто не мог ждать. Хотел увидеть, что вы сделали с ней.

— С ней?

— С картиной. — Он улыбнулся. Улыбка была тёплой, но в ней было что-то горькое. — Она много для меня значит.

Анастасия прошла к мольберту. Сняла ткань. Женщина на портрете смотрела на них обоих.

— Я закончила только вчера, — сказала Анастасия. — Ещё не всё. Нужно покрыть лаком, но в целом...

Он подошёл ближе. Очень близко. Она чувствовала запах его одеколона — что-то древесное, тёплое. Он смотрел на портрет. Долго. Молча.

— Вы вернули ей лицо, — сказал он наконец. — Спасибо.

— Это моя работа.

— Нет. — Он повернулся к ней. — Это не просто работа. Вы вернули ей жизнь. Я вижу. Она снова дышит.

Анастасия не знала, что сказать. Она привыкла к комплиментам от заказчиков. Но в его словах было что-то другое. Что-то, от чего хотелось отвести взгляд.

— Кто она? — спросила Анастасия. — Вы говорили, ваша прапрабабушка?

— Да. — Он снова посмотрел на портрет. — Её звали Вера. Она умерла молодой. В двадцать шесть лет. От чахотки. Мой прапрадед заказал этот портрет уже после её смерти. Он хотел, чтобы она осталась. Хотя бы на холсте.

— Печальная история.

— Все истории печальные. Если они настоящие.

Он замолчал. Анастасия смотрела на него и чувствовала, что что-то не так. Что-то в нём было не так. Слишком гладкое. Слишком правильное. Как будто он играл роль. Хорошо играл. Но играл.

— Вы давно коллекционируете? — спросила она, чтобы заполнить тишину.

— С детства. Отец привил. Он тоже собирал. У нас был целый дом, забитый картинами. Я вырос среди них.

— А сейчас?

— Сейчас у меня галерея. Небольшая. В центре.

— И вы решили отреставрировать именно эту?

— Да. — он снова улыбнулся. — Она особенная. Она — единственное, что осталось от отца.

Что-то в его голосе дрогнуло. Едва заметно. Но Анастасия услышала. Она слишком хорошо знала этот звук. Звук человека, который говорит о боли, но пытается делать вид, что всё в порядке.

— Я закончу через неделю, — сказала она. — Покрою лаком, высушу. Можете забрать.

— Я не тороплюсь. — он посмотрел на неё. Прямо. В глаза. — На самом деле, я хотел бы приезжать. Смотреть, как вы работаете. Если это возможно.

Анастасия нахмурилась:

— Зачем?

— Мне интересно. — он пожал плечами. — Я никогда не видел, как реставрируют. Это... завораживает. Возвращать к жизни то, что умерло.

Она хотела отказать. Она всегда отказывала. Она не любила, когда кто-то смотрел на неё во время работы. Это было слишком интимно. Слишком лично.

Но что-то в его взгляде — что-то тёмное, голодное, но не опасное — заставило её пере-думать.

— Приходите, — сказала она. — Но не мешайте.

— Не буду. — Он улыбнулся. — Обещаю.

Он поставил чашку на стол. Надел перчатки. Пошёл к двери. У порога обернулся:

— Анастасия.

Она вздрогнула. Она не говорила ему своё имя.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Мне сказали в администрации, — ответил он. — Когда я спрашивал, кто будет реставрировать портрет.

— А. — Она кивнула. — Логично.

— До завтра, Анастасия.

Он вышел.

Она стояла одна в мастерской. Смотрела на дверь. Потом на портрет. Женщина с печальными глазами смотрела на неё.

И Анастасии вдруг показалось, что она улыбается.

Весь день она не могла сосредоточиться. Руки делали работу, но мысли были где-то далеко. Она вспоминала его голос. Его глаза. То, как он сказал её имя. Так, будто знал его всю жизнь.

Вечером позвонила Кира.

— Ну что? Как тебе Савельев?

— Нормально, — соврала Анастасия. — Обычный коллекционер.

— Обычный? — Кира хмыкнула. — Он просидел в музее два часа, пока ты не пришла. Расспрашивал о тебе.

— Что?

— Да. У администратора. У охраны. У меня. Спрашивал, давно ли ты работаешь, какие картины любишь, есть ли у тебя семья.

Анастасия замерла. Сердце сжалось.

— И что ты сказала?

— Ничего. Сказала, что это не его дело. Но, Настя... — Кира помолчала. — Будь осторожна. Я не знаю, кто он. Но он не просто коллекционер. У него глаза, как у хищника. Он смотрит так, будто уже решил, что ты — его.

— Ты преувеличиваешь.

— Может быть. Но я знаю тебя. Ты одинока. Ты устала. И ты уязвима. А такие, как он, чувствуют это. Они находят таких, как ты. И используют.

Анастасия хотела засмеяться. Хотела сказать, что Кира смотрит слишком много сериалов. Но не сказала. Потому что где-то глубоко внутри она знала: Кира права.

Она попрощалась. Положила трубку. Подошла к окну. Дождь наконец закончился. На небе появились первые звёзды.

Она думала о нём. О Алексее Савельеве. О его глазах. О его голосе. О том, как он смотрел на неё.

И впервые за долгое время она почувствовала что-то, кроме тяжести.

Что-то опасное. Что-то живое.

Что-то, что она давно похоронила.

Она не знала, что в этот самый момент Алексей Савельев стоял в своей квартире, смотрел на её фотографию — ту, что сделал тайно, — и говорил себе:

«Я не должен был приходить. Я не должен был её видеть. Она не должна была быть такой... настоящей».

Он сжал фотографию в руке. Потом разжал. Положил на стол. Налил себе виски. Выпил залпом.

И прошептал:

«Прости меня, отец. Я не могу это остановить. Я уже не могу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.